

ИСТОРИЯ

УДК 902.02

Е.Б. Барина

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Описываются исследования контактов Китая с народами Центральной Азии в древности. Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с соседними народами, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или явно выявить черты взаимовлияний.

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; материальная культура; бронзовый век.

Открытия, сделанные в результате археологических исследований древних памятников на территории Китая и Центральной Азии, фактически позволяют нам говорить о существовании взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности, периодичности и о том, какая культура в какой период была доминантной при этих контактах. В отношении таких контактов существуют три основные гипотезы: 1) заимствований между Китаем и Западом не было [1]; 2) заимствования и связи были частичными и не влияли на общий ход развития культуры Китая и народов Центральной Азии. Запад влиял непосредственно на группы населения Центральной Азии, а уже через них в ослабленном виде воздействовал на Китай; 3) основные этапы китайской древности имеют прямые прототипы в общем евразийском развитии [2]. Все три гипотезы в момент появления имели под собой определенную доказательную базу.

Что касается первой гипотезы, то ряд радиоуглеродных дат, полученных Пекинской лабораторией для неолитических памятников, свидетельствовал в пользу сложения яншаоского неолита в центральных провинциях Китая. В данном случае наиболее сложным вопросом является проблема правомерности приложения метода датировки, разработанного в экспериментальной физике, непосредственно к материалам исторической науки.

Вторую гипотезу сформулировал П. Рейнеке в 1897 г. [3]. Она основывалась на исследовании материалов раннежелезного века Китая, для которых был характерен ряд специфических черт «скифских» культур, общих для памятников, распространенных от областей южной Германии, Австрии и Венгрии до долины Хуанхэ. Сопоставления, сделанные в ходе сравнения украшений, наборов конской сбруи, предметов вооружения и др., позволили выявить период формирования регулярных контактов между Китаем и западным миром в VII–V вв. до н.э. Особенно такие контакты стали очевидными после открытия в Центральной Туве памятника раннескифской культуры – кургана Аржан [4, 5]. Ряд находок указывал на существование контактов в период, предшествующий ханьским походам на Давань между V и II вв. до н.э. [6].

Третья гипотеза нашла подтверждение в большой серии форм оружия и инструментов, благодаря которым бронзовый век стал обсуждаться как время возможных контактов. Существуют две основные точки зрения по вопросу приоритетного положения в этих контактах. Даты сейминско-турбинских бронз, предложенные Н.Л. Членовой [7], решают вопрос в пользу приоритета Китая. Однако есть целый ряд типологических, исторических и военно-технических соображений, которые не позволяют признать Китай местом изобретения и первоначального применения таких предметов вооружения, как фехтовальное втульчатое копьё, боевой топор-кельт и др. Свидетельством этому может служить неоднородность техники металлообработки в Китае. Это говорит о ее длительном и постепенном заимствовании из различных источников. Предметы вооружения, выполненные в технике литья втульчатых орудий, оказываются в Китае представленными незначительным числом находок, тогда как в Сибири, Казахстане и других регионах Центральной Азии именно они составляют основную массу оружия. Эти исследования указывают на приоритетную роль центральноазиатских народов во взаимодействии с Китаем в бронзовом веке.

Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с народами Центральной Азии, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или выявить явные черты взаимовлияний. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периодов археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими. Однако, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Другими словами, на археологическом материале пока невозможно доказать, что развитая бронзовая металлургия эпохи Шан-Инь является целиком местным явлением, т.е. что бронза появилась в

Китае в результате только внутреннего развития его неолитических культур [9]. Археолог Ли Цзи, раскапывавший иньское городище в Сяотуни, считает, что иньская культура могла возникнуть в результате амальгамации местных неолитических культур и так называемых «протошанцев» [10. С. 21].

В начале 2 тыс. до н.э. недалеко от границ Китая (в Северной Индии, Центральной Азии, включая Южную Сибирь) уже существовали культуры бронзового века. Подавляющее большинство бронзовых культур Евразии зафиксировано археологией в уже сравнительно развитом виде. Это позволяет предположить, что в их появлении сыграли определенную роль взаимосвязи и взаимовлияния культур древнего мира. Распространение бронзовых культур на территории Евразии находилось в определенной степени зависимости от удаленности от ближневосточного центра – сначала бронза появилась в Месопотамии и Иране, затем в Египте, Северной Индии, в Средиземноморье, Европе и Центральной Азии. К началу 2 тыс. до н.э. культуры бронзового века господствовали уже на большей части Евразии от Средней Европы до Минусинской котловины. Данные археологии свидетельствуют о том, что процесс появления и развития металлургии (выплавки меди, а затем бронзы) протекал весьма медленно и долго. На Ближнем Востоке этот процесс занял примерно 3–4 тысячелетия [11].

На территории же самого Китая (в долине р. Хуанхэ) в это время господствовали культуры неолита, еще не знакомые ни с бронзой, ни даже с медью. Бронзовая культура Шан-Инь появляется в Китае в середине 2 тыс. до н.э. Допустимо предположить, что бронзовые изделия, сложившись и технологически, и эстетико-стилистически вне территории Китая, являлись инородным включением в древнюю культуру, которая продолжала в целом развиваться в неизменных (с учетом естественной эволюции) формах, обеспечивавших надежную этническую непрерывность [12. С. 154]. Все это позволяет говорить о значительных преобразованиях на грани начала бронзового века в Китае, а главное, видеть в художественных бронзах закономерный показатель перемен. Примером такого преобразования традиций может служить появление в иньское и раннечжоуское время колесниц, лошадей в качестве упряжных животных для колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов. Застежки поясов китайских воинов, так называемые поясные крюки, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь, аналогичны типичным колчанным крюкам, применявшимся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Однако в китайской традиции эти изделия дополняются типичными китайскими орнаментами, инкрустацией, нефритовыми вставками и становятся престижным видом воинского снаряжения. Первая повозка на сплошных колесах, сколоченных из трех досок, появилась в Шумере примерно в 5 тыс. до н.э., и вплоть до 3 тыс. до н.э. все известные археологии повозки изготовлялись по такой же модели [13. С. 358]. Лишь позже на базе этой

повозки, служившей гужевым транспортом и запрягавшейся быками, зародилась боевая колесница с колесами на спицах. Эта колесница стала запрягаться одомашненными лошадьми, а воины-степняки (хетты, касситы, гиксосы и т.п.), видимо, были вначале ее основными «владельцами».

Колесницы впервые стали применяться китайцами в эпоху Инь, приблизительно в XIV–XII вв. до н.э. Они появились в иньское время внезапно, и им не предшествовали какие-либо местные формы колесного транспорта. Появление колесниц не было подготовлено самостоятельными техническими достижениями. Сбруйные и уздечные наборы, а также способ запряжки и управления лошадьми находят аналогии в ближневосточном и средиземноморском центрах древних цивилизаций [14. С. 278]. Поэтому можно предположить, что иньцы узнали о колеснице от своих соседей. В связи с этим большой интерес представляют находки петроглифов с изображениями колесниц в Гоби и Туве [15. С. 201]. Чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев; поэтому чжоуские экземпляры, известные нам по раскопкам погребений, практически полностью аналогичны иньским. Появление колесниц связано непосредственно с проблемой использования упряжных животных, в частности лошадей. Исследования остеологического материала свидетельствуют, что непосредственно Китай не входит в зону интенсивного первоначального освоения лошади как транспортно-упряжного или предназначавшегося для верховой езды животного [16].

Сводки синьцзянских наскальных изображений колесниц были опубликованы П.М. Кожиным [17], Е.В. Избицер [18], Д.В. Черемисиным и О.В. Борисовой [19]. Общее число евразийских археологических находок повозок и колесниц приближается к двум тысячам. Однако эти изображения представлены в разной сохранности и скопированы с разной точностью. Поэтому делать окончательные выводы о специфических видах колесного транспорта и его технических особенностях на всех территориях его древнего распространения преждевременно. Вопрос о месте изобретения колесницы и этноязыковой среде, в которой она появилась, пока остается нерешенным. Вооружение редко может оставаться в пределах той среды, где оно изобретено и применено впервые: чем выше его эффективность, тем скорее его заимствуют ближайшие соседи. Можно лишь, руководствуясь наличным материалом, сделать вывод о том, что колесница изобретена в среде воинственных племен, располагавшихся на периферии древнего культурного мира ближневосточных цивилизаций, высокоорганизованная промышленность которых придала их производству массовость и внесла в него технологическое и конструктивное совершенство [20; 21. С. 215]. В конечном итоге анализ синьцзянских наскальных изображений позволяет сделать вывод о том, что синьцзянско-внутримонгольский регион замыкает протяженность Великого евразийского колесничного пути, который сформировался в XVI–XV вв. до н.э. На территории Китая древние колесничные дороги выходят к западно-

му участку излучины Хуанхэ. Если добавить к этому, что запряженная лошадьми боевая колесница появилась в Китае через несколько веков после того, как она стала известна на Ближнем Востоке, что всеми своими деталями и элементами сбруи она была схожа с ее ближневосточными прототипами, что, как и у других народов, у иньцев она была предметом ритуального почитания [22. Р. 130], то едва ли можно оспаривать вывод В.Г. Чайлда о том, что колесница вместе с сопровождавшим ее бронзовым оружием пришла с Запада [23. С. 10, 12–13].

Таким образом, можно говорить о постоянном активном противоборстве между армиями аграрных государств и кочевым населением пояса пустынь, полупустынь и засушливых степей. А поскольку следов примитивных форм колеса или повозок в слоях китайского неолита не обнаружено и изучение остеологического материала свидетельствует о том, что ни в яншао, ни в Луншань лошадь еще не была одомашнена [24, 25], то становится ясно, что именно благодаря этому противоборству в материальную культуру были привнесены существенные нововведения. Появление лошадей в иньских и раннечжоуских колесницах в качестве упряжных животных, да и самих колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов не является еще само по себе указанием на глубинное проникновение лошади в этническую культуру древнекитайского земледельческого населения, а указывает на наличие интенсивных контактов кочевого и оседлого населения.

Заимствование с Запада и развитие на государственном уровне производства и широкомасштабного применения колесниц Китаем, обоснованное в работах В.Г. Чайлда, П.М. Кожина, Т.С. Пигготта и др. [14, 26–30], получило дополнительные подтверждения благодаря урало-казахстанским колесничным находкам бронзового века. Наиболее примечательно в них распространение прямоугольно-пластинчатых псалиев со вставными шипами, имитирующих металлические образцы и являющихся прообразами древнейших иньских пластинчато-трубчатых псалиев с центральным широким отверстием и шипами. В чжоускую эпоху колесницы становятся в китайской армии важным структурообразующим элементом, а количество колесниц определяет место в иерархии чжоуских царств.

Война и военное дело всегда играли важную роль в обществе. Материальную основу развития военного дела составляет набор вооружения – значительная и динамичная часть материальной культуры. Форма и украшение оружия, его количественное и качественное соотношение, способы применения определялись, с одной стороны, функциональным предназначением, а с другой – этническими и культурными традициями. Поскольку вооружение самым непосредственным образом связано с практической, специфического вида деятельностью, то различные усовершенствования внедрялись здесь сравнительно быстро и в значительном количестве, во всяком случае быстрее, чем в ритуальной практике. Более совершенные средства защиты и нападения давали, как правило, ощутимое преимущество в сражениях. От сте-

пени соответствия форм конкретных предметов вооружения своим функциям защиты или поражения зависела не только эффективность их употребления, но и само существование социального организма, в рамках которого они были созданы и нашли применение [31. С. 7]. Лучшие виды оружия нередко импортировались или брались в качестве образцов для местного производства. Поэтому изучение комплекса вооружения – одно из надежных средств, чтобы определить направление и объем контактов. Различные компоненты в оружейном комплексе, да еще в сочетании с другими признаками, позволяют предполагать культурную неоднородность населения изучаемого памятника. Это не только позволяет с большей точностью определить этапы собственно китайской истории, но и дает возможность датировать ряд вещей, распространенных на сопредельных территориях или проникавших в пределы древнекитайских государств в качестве импорта. Вместе с колесницей в Китае в эпоху Шан-Инь появилось множество развитых типов бронзового оружия – ножи, топоры, втульчатые наконечники копий и т.п. Все большую достоверность обретает и концепция о западном происхождении китайского бронзолитейного искусства (особенно литья в стандартные сложносоставные формы, части которых могли соединяться для разных отливок разными способами, благодаря чему на основе стандартных деталей получались достаточно большие наборы разнообразных изделий). Проведенное М. Лером тщательное изучение иньского бронзового оружия показало, что наиболее развитые типы его не имеют прототипов среди каменных орудий китайского неолита и морфологически восходят к более примитивным типам некитайского бронзового оружия Центральной Азии, Сибири и других районов Евразии [32]. Кроме того, изучение бронзовых ножей карасукского типа, которые прежде считались результатом китайского влияния в Сибири, показало, что влияние было обратным. Наиболее ранние типы карасукских ножей были сильно изогнуты, тогда как выпрямленные ножи и ножи с кольцевым навершием и навершием в виде головы животного («звериный стиль») относятся к наиболее поздним. Именно эти поздние карасукские бронзовые ножи были найдены в Аньяне и Чжэньчжоу (эти ножи не имеют китайских прототипов ни в камне, ни в бронзе). Некоторые из них, по словам С.В. Киселева, настолько похожи на карасукские, что он не взялся бы их различить [6. С. 259]. Еще более наглядно это видно на примере втульчатых орудий (кельты, наконечники копий), которые появились одновременно с колесницей и, как это явствует из специальных исследований, могли прийти только с Запада (в Юго-Восточной Азии кельты неизвестны) [23. С. 10, 12–13].

Важный памятник начала Чжоу в районе Пекина – могильник Байфу. Основываясь на географическом расположении памятника и значительном сходстве с могильником в Люлихэ (западнчжоуский могильник на территории современного района Фаншань на юго-западе Пекина), его можно датировать временем прав-

ления первых чжоуских ванов. Комплекс вооружения и колесничного снаряжения в Байфу отличается заметным своеобразием. Особый интерес в этом плане представляет могила № 2, где захоронена женщина. Могилы женщин-воительниц – исключительно редкое явление для культуры бронзового века Китая. Наиболее известный пример – могила Фу Хао [33]. Для многих предметов вооружения и сбруи из Байфу характерны ярко выраженные «северные» черты, что свидетельствует о привлечении на воинскую службу представителей других племен. Возможно, именно с этими народами связаны оригинальные археологические памятники (главным образом могилы и подъемные находки), выявленные в северо-западной части Шаньси, северных районах Шаньси и Хэбэя, на всей территории Ордоса. Для них характерно наличие кинжалов и ножей карасукского облика с бубенчиковидными или зооморфными навершиями, втульчатых топоров, сравнительно больших ложек, которые могли использоваться в качестве украшений либо псалий. Как свидетельствуют раскопки в Байфу, указанная ситуация сохранялась и в раннечжоуское время. Аналогии многим северным бронзам ведут в Монголию, Сибирь и далее на запад [34. С. 149].

Важным примером, характеризующим наличие и устойчивость китайско-центральноазиатских контактов, являются «модели ярма», которые встречаются в археологических комплексах бронзового века Сибири, а также иньского и чжоуского Китая. На данный момент предназначение предмета не выяснено. Условным названием «модель ярма» удобнее всего охарактеризовать его внешний облик. Дискуссия по вопросу предназначения этого предмета приведена в работах М.П. Кожина и М.Д. Хлобыстиной [35. С. 30–32; 36. С. 188; 37]. В Сибири «модели ярма» встречаются редко, в погребениях Китая таких находок гораздо больше. Как правило, они входят в комплекты вооружения в захоронениях воинов. Если придерживаться наиболее аргументированного на данный момент мнения, что «модели» действительно входили в комплекс снаряжения воина-колесничного и крепились на поясе на манер пряжки, выполняя при этом функции брони, защищавшей живот, то можно сделать достаточно очевидный вывод, что часть населения Сибири и Китая имела определенные контакты и даже, возможно, заимствовала передовые на тот момент технологические достижения.

Таким образом, в свете исследований последних лет становится все более очевидной роль центральноазиатских и сибирских бронзовых культур в процессе генезиса культуры Шан-Инь. В Китае бронза появляется неожиданно и в развитых формах – здесь нет постепенного медленного развития бронзовой индустрии от последовательных опытов производства украшений к изготовлению металлического инструментария [21. С. 189]. Фактически сразу массово возникают ритуальные формы бронзовой посуды и вооружения [12; 38; 39]. Характерной особенностью этого периода стало использование в боевых действиях, в охоте и в ритуалах такого вида вооружения, как боевые колесницы с конной запряжкой

[40–43; 44. С. 22, 23]. Происхождение этих боевых колесниц связывается с распространением влияния ближневосточных культурных центров на восток. Боевая колесница с конной запряжкой была наиболее характерным видом вооружения ближневосточных государств 2 тыс. до н.э. От них колесничный транспорт быстро распространяется в среду кочевников в результате интенсивных столкновений на границах империй. Находки колесниц и их снаряжения характерны для памятников эпохи бронзы Поволжья, Зауралья, Сибири, Казахстана и др. Через кочевников традиция использования колесниц в боевых действиях приходит на Восток [14, 26, 27, 29, 47, 48]. Находки наскальных изображений колесниц в Синьцзяне и Внутренней Монголии доказывают эту гипотезу. Близкие стилистически рисунки выявлены в Синьцзяне [30. Рис. 7, 2], на Памире [28. С. 118, рис. Б-12], в индийском штате Мадхья-Прадеш [49].

В эпоху Шан-Инь в Китае появились и другие новшества – новые типы построек (дома-«дворцы», городские стены, могилы-мавзолеи), письменность, развитое изобразительное искусство (каменная скульптура в «зверином стиле»), наконец, принципиально иные виды культов и ритуалов, и в частности обычай совершать массовые человеческие жертвоприношения (умершего иньского правителя сопровождали в «лучший мир» многие сотни сопребенных). По мнению специалистов, в китайском неолите нет следов-зачатков этих элементов иньской культуры [10. С. 15]. Разумеется, это не означает, что некоторые из этих новшеств не могли появиться – пусть даже за очень короткий срок – в результате развития китайской цивилизации. Однако при этом заслуживают внимания два существенных момента. Во-первых, развитие каждого из отмеченных элементов культуры должно было занять не одну сотню лет, и при этом обязательно должны были в случае абсолютно автохтонного их появления и развития сохраняться какие-нибудь следы эволюции этих элементов от их ранних форм к тем, что зафиксированы в Инь. Однако явных следов этого пока нет. Во-вторых, все вышеперечисленные элементы иньской культуры появились в Китае значительно позже того времени, когда в ряде других культур бронзового века уже существовали аналогичные явления – и письменность, и крупные захоронения с человеческими жертвами, и сооружения – постройки методом утрамбовки земли, и схожие формы и приемы в искусстве [22. С. 129; 50. С. 6–7].

Также для нашего исследования важен вопрос о происхождении некоторых типов бронзовой ритуальной посуды шан-чжоуской эпохи. За последние десятилетия появилось немало публикаций, посвященных новым находкам котлов и разнообразных комплексов с котлами, много внимания было уделено изучению эпиграфических текстов на котлах [39, 51–53], открыты новые памятники, характеризующие процесс производства бронзовой ритуальной утвари. Особо важным остается вопрос о самих функциональных комплексах этой посуды и принципах их формирования. Наибольший интерес представляют для нас несколько типов такой посуды:

1. Прямоугольные в плане и профиле, напоминающие ящик, часто очень большие сосуды на четырех ножках, располагавшихся под плоским основанием по краям. Сосуды имели на противоположащих коротких сторонах массивные ручки-скобы. Сами ножки представляли собой скульптурные изображения голов крупных животных, видимо, быков, уткнувшихся носами в пол. Со временем скульптурная рельефность сглаживалась и оставался лишь геометрический орнамент, который быстро деградировал. До недавнего времени единственными евразийскими аналогиями этой форме сосудов оставались каменные жертвенники значительно более поздней скифо-савроматской эпохи. Глиняные «модельки» жертвенников, близких по форме и украшенных по боковым стенкам головами баранов и извивающимися змеями, обнаружены в могильнике «раннего бронзового века» в Юго-Западной Туркмении (могильник Пархай II) [54. С. 84–97, табл. 1, 3, 10, 17, 18, 23, 28–30, 32, 34, 42, 53, 56]. Естественно, здесь не может идти речь о прямом заимствовании китайских котлов из Западной Азии, но это первое ясное указание на наличие в Центральной Азии какой-то протокультуры, породившей как западную, так и восточную ветви развития этих изделий. В Каракумах в дельте и бассейне реки Мургаб открыты памятники новой вторичной цивилизации, тесно связанной постоянными контактами с основными синхронными культурами Древнего Востока от Сирии до Северной Индии [55].

2. Кувшинообразные высокие сосуды, либо плоскодонные, либо на поддоне, чаще всего снабженные барельефным или графическим изображением «масок тао-тэ». Некоторые из них имеют квадратное сечение в плане и сложную конструкцию верхней части крышки.

3. Горшковидные сосуды с невысокой расширяющейся к устью шейкой и туловом в виде приплюснутого шара могут иметь либо три ножки, либо невысокий поддон в виде квадратного ящичка. Форма ближе всего соответствует центральноазиатским и южносибирским сосудам, происходившим из культур «карасукского типа». Сами эти центральноазиатские изделия часто сопоставляются с инь-чжоускими изделиями [56. С. 119, 120; 57. С. 250, 251].

Факты показывают, что как карасукская культура в Южной Сибири, так и иньская в Китае частично уходят своими корнями в местные культуры (в бронзовые афанасьевскую и андроновскую в Сибири и в неолит в Китае). Между элементами в культуре Китая и Сибири, особенно в том, что касается типов бронзовых изделий и их орнамента («звериный стиль»), существовала несомненная генетическая общность. Таким образом, накопленные современной наукой данные дают веские основания считать, что в процессе генезиса бронзовой культуры и всей иньской цивилизации наряду с местными неолитическими культурами (яншао и луньшань) существенную роль сыграли культурные контакты и связи с другими народами. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в иньскую эпоху западные контакты были вполне сложившимися.

В последующие периоды бронзовой эпохи контакты

хуая с другими народами осуществлялись через племена, населявшие окраины Китая. Их история постоянно привлекает внимание отечественных археологов и востоковедов [58–61]. В VII в. до н.э. на Среднекитайскую равнину, в самое сердце этнической территории формирующейся общности древних китайцев, вторглись иноплеменники – ди [62. С. 179–184]. Первым из царств, непосредственно столкнувшимся с ди на северо-западных границах, было Цзинь¹. Политические события этого времени довольно подробно описаны в литературе [63. Р. 113–327]. Начиная с 20-х гг. VII в. до н.э. в источниках появляются упоминания о двух группах ди – «белых» западных и «красных» восточных. В VI в. до н.э. после военной победы Цзинь над ди начинается их постепенная ассимиляция. В V в. до н.э. часть «белых ди» перемещается на восток и основывает государство Чжуншань (Сяньюй). В отношении этнической принадлежности ди в науке сформировалось несколько мнений. Первого из них придерживался А. Масперо, который считал диго родственными древним китайцам и отличавшимися от них только уровнем культурного развития [64. С. 20]. Вторую точку зрения выразили Ф. Хирт и В. Эберхард, которые считали ди тюркоязычным народом [65. С. 209]. Третье мнение было высказано в одной из ранних работ Го Мо-жо. Обращая внимание на изменения в художественном стиле древнекитайских бронзовых изделий середины эпохи Чуньцю, Го Мо-жо видел в этом результат внешнего влияния скифского искусства. Поэтому он считал возможным, что в формировании этнической группы ди принимали участие скифы [66. С. 434]. Точка зрения Го Мо-жо находит подтверждение при последующих исследованиях археологических культур Северного Китая, где найдены следы скифской культуры. Племена кочевников ди появились на границах Китая как раз в тот период, когда в Евразии появились скифские народы в I тыс. до н.э. И именно к этому времени относится большое число предметов в «зверином стиле» в Северном Китае. В Ордосе предметы скифского искусства были изучены Ю. Андерсоном [67]. Находки в Ордосе и других смежных регионах локализуются в широкой зоне, примыкавшей с севера к территории царства Цзинь эпохи Чуньцю. Изменения, связанные с приходом племен ди, затронули практически все основные стороны этнической специфики древнекитайского этноса, наложив свой отпечаток на его язык, материальную и духовную культуру и, наконец, на его самосознание. Под воздействием интенсивных контактов с соседними народами существенно изменилась и внутренняя структура самой древнекитайской этнической общности.

Итак, в эпоху поздней бронзы на окраинах чжоуского конгломерата государств развивались самобытные культуры, которые поддерживали контакты с культурой Центральной равнины. Большое количество видов предметов, в частности оружия, создавались народами «варварской периферии» самостоятельно и, закрепленные традицией, оказали влияние на формирование комплексов вооружения последующих периодов [61; 68].

По границам чжоуских государств существовали широкие зоны «смешанных» культур, в рамках которых влияние хуася осуществлялось в одном ряду с другими культурными взаимодействиями. Характерный пример – культура верхнего слоя Сяцзядянь², где слились в едином комплексе традиции изготовления вооружения Центральной равнины, сибирско-ордосских степей и древнекорейских племен Ляонина. Следует, однако, учитывать, что культура верхнего слоя Сяцзядянь представляет собой лишь выдвинутую в контактную зону южную оконечность культурной общности, охватывавшей Ордос, Восточную Монголию и Забайкалье³. Географический ареал ее распространения – косвенное подтверждение справедливости гипотезы о том, что носителями культуры верхнего слоя Сяцзядянь были дунху, предки монгольских народов.

Культура верхнего слоя Сяцзядянь характеризуется относительной полнотой опубликованных и исследованных материалов. Инвентарь отличается значительным своеобразием. Исследование отдельных памятников культуры Сяцзядянь началось в середине XX в. К числу наиболее богатых находками относится раскопанная в 1963 г. могила № 101 у д. Наньшаньгэнь (уезд Нинчэн, провинция Ляонин). Погребальный инвентарь составляют ритуальные сосуды, оружие, орудия труда из бронзы, три золотых кольца, два каменных топора и различные изделия из кости. Среди бронзовых сосудов оказались изделия специфических форм, не известные на других памятниках. Так же смешан по характеру комплекс вооружения. Кинжалы, шлемы, наконечники стрел, накладки на ножны специфичны. Четыре кинжала близки к карасукским «выемчато-эфесовым». Еще два кинжала сочетают различные традиции. Точные аналогии этим предметам не известны, однако традиция украшать кинжалы изображениями животных примечательна для искусства кочевников северных степей [69. С. 89].

В 1958 г. в районе Наньшаньгэнь исследовалась могила со сходным инвентарем. Внутри при раскопках была найдена коллекция из 71 бронзового изделия. Для большинства из них характерно украшение зооморфными фигурами. Многие изделия оказались украшенными изображениями трех-четырёх стоящих животных. Н.Л. Членова предлагает датировать этот комплекс временем около VI в. до н.э. [8. С. 64]. Однако, судя по инвентарю, эта могила по дате близка к погребению № 101. К тому же этапу относится наньшаньгэньская могила № 102. Вместе с костяком обнаружены бронзовые ножи, кельты, части сбруи (удила, обоймы, бляшки), одно зеркало и ряд других предметов. Интерес вызывает найденная в могиле костяная пластинка с резным рисунком, изображающим человека на лошади с луком в руке. Как считает А.В. Варенов, изображение такой лошади стилистически близко к изображениям на оленных камнях [70]. Наньшаньгэньские аналогии прослеживаются и на других памятниках в районе Чифэна и соседнего уезда Цзяньпин. Исследуя эти комплексы, ученые находят близкие аналогии в культуре плиточных могил из Восточной Монголии [71. С. 49–50].

Памятники верхнего слоя Сяцзядянь выделяются своеобразной керамикой и изделиями из бронзы. В числе специфических бронзовых изделий можно назвать некоторые типы металлических сосудов, кельты с «веерообразным» лезвием, зеркала и зеркаловидные украшения, бляхи, изображающие животных и птиц. Большая часть предметов вооружения, найденных в погребениях (шлемы, кинжалы, наконечники копий), восходит к более ранним бронзовым изделиям северных народов. Примечательны украшения, выполненные в традициях «звериного стиля». В составе инвентаря прослеживается ряд элементов, сходных с одновременными находками на сопредельных территориях, что позволяет ставить вопрос о «смешанном» характере сяцзядяньских памятников [72, 73]. Эти особенности свидетельствуют о самобытном характере культуры верхнего слоя Сяцзядянь, которая сумела усвоить и переработать на собственной основе достижения других народов.

Археологические параллели для верхнего слоя Сяцзядянь прослеживаются среди позднебронзовых раннескифских культур Центральной Азии. Прежде всего следует отметить дворцовые памятники Восточного Забайкалья, которые можно включить в состав «карасукских по облику культур». С культурой верхнего слоя Сяцзядянь ее сближают длинные бронзовые ножи с упором для пальцев на рукояти, многоярусные бляшки, привески в виде ложечек или фигурок птиц с распластанными крыльями [74–76]. Такие же изделия отмечаются в коллекциях случайных находок Ордоса и Монголии. Важность их заключается в том, что они как бы объединяют воедино Дунбэй и Забайкалье [77, 78]. Это единство подчеркивается также тем, что изображения хищных птиц из рода орлов в отмеченной характерной позе (с распластанными крыльями) широко представлены на писаницах, обнаруженных в центральных и восточных аймаках МНР, в Бурятии и Читинской области [74, 79]. Определенное сходство в способе захоронения и в инвентаре прослеживается между верхним Сяцзядянь и культурой плиточных могил Восточного Забайкалья и Монголии⁴. Это относится к таким важным элементам, как триподы типа *ли*, некоторые формы ножей (особенно с ритмически повторяющимися фигурами людей или животных на рукояти), полусферические и ярусные бронзовые бляшки [81. С. 45; 82. С. 100–104; 83]. Для определения связей культуры на поздних ее этапах значительный интерес представляет погребение с двумя узкими кинжалами, «крылатым» копьем, зеркалом и некоторыми другими вещами, обнаруженными у сопки Известковой (Голубиной) в Приморье [84]. По вопросам этнической принадлежности культуры Сяцзядянь высказываются различные точки зрения. Одна из них заключается в том, что эта культура принадлежит племенам дунху. Антропологическое заключение, сделанное на основе анализа скелетных остатков из погребений и изображений на бронзовых изделиях, определяет, что носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь являются классическими монголоидами, к которым отно-

сятся не только монгольские, но и многие тюркские народы. Более конкретным является замечание о форме прически, которая может быть существенным этноразличительным признаком. На упомянутых фигурках и рисунках у людей бритые головы, что отличается от прически как древних китайцев, укладывавших волосы на затылке с помощью шпилек, так и сюнну, носивших косу, но зато полностью соответствует обычаю ухуаней, считавших, «что бритые головы приносят облегчение и удобство» [85. С. 64]. В совокупности указанные выше моменты служат дополнительными, хотя и косвенными доказательствами в пользу дунхуской теории, которую в настоящее время разделяет большинство китайских археологов.

С.С. Миняев, проанализировав особенности погребальных сооружений и обряда, высказал мнение о «протосюннуской» принадлежности культуры верхнего слоя Сяцзядянь [86, 87]. Есть определенное сходство между погребениями рядовых сюнну и могилами представителей верхнесяцзядяньских племен, которое можно объяснить их принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу и взаимными контактами. Но не исключено также, что отдельные дунхуские группы приняли непосредственное участие в формировании сюннуского племенного союза [69. С. 89].

Комплекс вооружения – это один из разделов чжоуской культуры, в котором взаимные контакты отражались с наибольшей силой. Письменные источники сохранили сведения о военном деле позднего Чжоу, когда чжаоский Улин-ван организовал в своей армии кавалерийские отряды по образцу «варварских» и снабдил воинов соответствующим снаряжением и одеждой. Археология позволяет фиксировать подобные воздействия и в более раннее время. Поэтому изучение оружия способствует выявлению культурной специфики окраин чжоуского Китая и наглядно иллюстрирует соотношение общего и особенного в развитии этих районов по сравнению с конгломератом древнекитайских государств.

В 1985 г. Ван Жэньсян опубликовал сводную работу, посвященную «поясным крюкам», застежкам поясов специфичной формы, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь [88]. Большинство предметов – это типичные колчаные крюки, применявшиеся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Назначение этих типов крюков в том, что к ним крепился колчан, оружие или другое снаряжение на свисавшем на бедро всадника портупейном ремне. В китайской традиции это типичное снаряжение кочевника снабжается чжаньгоскими орнаментами, инкрустацией и нефритовыми вставками, что делает его престижным видом воинского костюма. Таким образом, для утверждения в китайской воинской культуре особых видов кочевого армейского снаряжения появляется достаточно надежный хронологический момент – вторая половина IV в. до н.э. [21. С. 63]. Другим примером могут служить поясные застежки в виде крюка на короткой пластине, применение которых в воинском костюме зарегистрировано циньской скульптурой. Эти пряжки-

крюки отличаются тем, что на пластине выполняется какая-нибудь горельефная, часто тематическая сцена. Аналогичные пряжки выявлены в воинском снаряжении европейского северосредиземноморского ареала. Они применяются и в снаряжении римских легионеров первых веков нашей эры [89]. Здесь для восточной и западной традиции очевидна общая основа в евразийской кочевой среде, вероятнее всего, связанной с племенами, локализованными в степных и горных районах Центральной Азии, т.е. в соответствии с китайской письменной традицией наиболее связанных с расселением юэджей [21. С. 64].

Находки из памятников, исследованных в провинции Ганьсу, свидетельствуют, что этот район представлял собой передаточную зону инфильтрации на юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве [90]. Через Ганьсу продолжали осуществляться контакты и в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Однако связи осуществлялись тогда не столько «по горизонтали», сколько «по вертикали». Западный меридиональный путь (в рамках всей восточноазиатской области) продолжал исправно действовать и в последующие исторические периоды [91. С. 114–115].

В 2012 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (между р. Бортала и Джунгарскими воротами недалеко от границы Китая и Казахстана) найдено крупное поселение с захоронениями бронзового века. Радиоуглеродный анализ находок, проведенный центром CHRONO Университета Куинс, показал, что им от 3,7 до 3,9 тыс. лет. В центре поселения располагалась особым образом оформленная постройка. Внутри постройки обнаружены кости животных, уголь и погребка. По всей видимости, это могло быть ритуальным помещением. В 90 могилах были найдены человеческие останки, а также бронзовые и керамические изделия. На данный момент это единственный археологический памятник в Синьцзяне, где одновременно присутствуют сооружения для живых и мертвых [92].

Важным доказательством китайско-центральноазиатских культурных контактов бронзовой эпохи может служить находка группы из трех бронзовых сосудов в Яньчэне⁵. Более того, применив некоторые общие положения мифологии древнего мира, оказывается возможным исследовать их семантику [94]. Городище Яньчэн расположено в уезде Уцзин провинции Цзянсу, на расстоянии около 11,5 км от г. Чанжоу. Раскопки в Яньчэне были произведены еще в 1958 г. По мнению китайских археологов, на месте древних развалин находилась столица чжоуского удела Янь. Упоминание о расположении здесь города, относящегося к землям древнего яньского правителя (цзы), содержится в ханьском сочинении «Юэ цзюэшу». Замечание о том, что «уский ван захватил земли цзы, который подчинялся Юэ», приведено также в описании уезда [95. С. 40]. При расчистке внутреннего рва городища археологи обнаружили три деревянные лодки⁶, бронзовые предметы⁷ и много керамики, предположительно датируемые эпохой Чуньцю (772–

481 г. до н.э.). Однако наибольший интерес вызывают найденные в том же слое в 150 м к северу от лодок бронзовые изделия, в особенности комплекс из трех вещей⁸. В основании группы находится блюдо «пань» на трех ножках. С одной стороны у «пань» оформлен короткий слив, с другой – плоская горизонтально расположенная ручка. Эти элементы, выполняя чисто функциональное назначение, вместе с тем придают блюду сходство с животным, причем слив выступает в качестве маленькой головки, а ручка – широкого хвоста. Из трех ножек две расположены «вперед», с обеих сторон от слива и на примерно равных от него расстояниях, а одна «сзади», как раз под ручкой. Все ножки слегка изогнуты и имеют утолщения («копыта») в нижней части. Внешние стенки блюда украшены узором.

Внутри блюда «пань» стоял сосуд «и», изображающий жертвенное животное («си и»). Сосуд опирается на массивный поддон. Края устья как бы отогнуты. Через все тулово проходит широкая полоса узора. С одной стороны сосуда расположена голова животного на выгнутой массивной шее, с другой – округлая вертикально расположенная ручка-хвост. У животного тупая, словно обрубленная морда, выпуклые глаза со зрачками, обозначенными лунками, и выгнутые полумесяцем острые рога. Аналогичные сосуды, хотя и выполненные в другой манере, широко представлены среди иньских и чжоуских бронз. Китайские исследователи интерпретируют их как «быков». Но по внешнему виду эти изделия больше напоминают улиток. При всем их различии как бык, так и улитка в мифологических сюжетах могут выступать в одном качестве – как хтонические персонажи.

Устье сосуда «си и» закрывало перевернутое блюдо «пань» с тремя колесиками. С одной стороны блюда на небольшом расстоянии друг от друга располагаются два изображения животных, скорее всего драконов, которые по форме напоминают угольники. Один конец такого угольника прикреплен к днищу «пань», а другой представляет собой голову животного, повернутую назад. На морде выделены глаза и ноздри, на шее изображена чешуя. Через вершины «угольников» проходила ось, на которую надевалось одно из трех колес. Два других колеса прикреплены с двух сторон блюда примерно на равных расстояниях от первого. Внешние стенки тулова блюда «пань» покрыты узором, который представляется близким так называемому «громовому узору» («лэй вэнь»), характерному для древнекитайских бронзовых сосудов. Уже сама по себе форма и не характерная для Китая конструкция изделия подчеркивают его определенно ритуальный характер. Колесо со спицами и изображение пары ездовых животных (драконов) свидетельствуют о связи «пань» Яньчэна с колесничной символикой. Прямых аналогий этим вещам на территории Китая нет. Гораздо шире изображения и модели колесниц распространены за пределами Китая, в культурах бронзового и раннего железного веков Евразии, в том числе среди петроглифов Средней и Центральной Азии. «Пань» на колесиках из Яньчэн близки различные типы сосудов с колесиками, которые часто встречаются

среди находок бронзового и раннего железного века на территории Европы и Передней Азии. К одной из наиболее ранних форм (конец 3 тыс. до н.э.) относится керамическая модель повозки с массивными сплошными колесами и кузовом в виде вазы из Будакалаш (Венгрия). Сочетание в модели сосуда и колеса сохраняется также в более позднее время. Характерны в этом отношении керамическая чаша (около XI–IX вв. до н.э.) из Канья (Венгрия), бронзовая повозка-котел из кургана X в. до н.э. в Пеккатель (Германия); бронзовый сосуд на четырехколесной платформе, найденный в районе Ганновера (Германия) и т.д. [96–100]. Прямым аналогом этим изображениям среди votивных моделей является колесница из Трудхольма (Дания) [94. С. 55].

Таким образом, модель колесницы из Яньчэна не имеет аналогий среди археологических находок эпохи Чжоу. В большом количестве бронзовые и глиняные модели повозок появляются только с эпохи Хань. Однако их внешний облик и семантика существенно отличаются от находки из Яньчэна. Не менее важно, что бронзовая модель колесницы входит составной частью в комплекс изделий, которые вместе образуют сложную композицию, символизирующую, судя по всему, вселенную. Сложная семантика комплекса показывает, что ряд его аспектов с трудом объясняется при помощи одной только древнекитайской мифологии, но многое проясняется при обращении к мифологии индоевропейских народов. И хотя некоторые совпадения могут носить типологический характер и не обязательно свидетельствовать о заимствованиях с Запада, следует иметь в виду, что если для Китая эпохи бронзового века модели колесниц и их описания в текстах уникальны, то на Ближнем Востоке, в Европе и Центральной Азии такие модели, а также изображения чудесных повозок в петроглифах исчисляются десятками. Это обстоятельство говорит о том, что не только сам колесный транспорт, но и связанные с ним религиозные и мифологические представления были, вероятно, привнесены в Китай извне. Согласно одной из существующих точек зрения, и коневодство, и культ коня, и колесницы попали к китайцам через посредничество народов урало-алтайской языковой семьи. По мнению некоторых исследователей, роль связующего звена в таком процессе выполняли индоевропейцы-тохары [94. С. 64]. Однако вопрос о конкретных путях культурного заимствования по-прежнему остается открытым.

Таким образом, Северный Китай периода бронзового века следует считать своеобразной контактной зоной, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов. Исследование бронз подтверждает вывод об особом положении региона, который, как и ряд других уделов, входил в политическую систему древнекитайских государств, но значительно отличался от них в этническом плане и вплоть до Чжаньго не включался в сферу хуася [62. С. 279–283]. Древнекитайская культурная традиция явилась важным, но не единственным компонентом в становлении культуры народов этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В районе бассейна р. Фэньхэ.
- ² Эта культура получила свое название по одному из наиболее представительных памятников, открытых в окрестностях Чифэн.
- ³ Памятники культуры верхнего слоя Сяцзяндянь выявлены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй и Ляонин, а также в прилегающих районах Внутренней Монголии.
- ⁴ Д.Д. Нимаев настаивает на полном различии плиточников и носителей «культуры каменных ящиков Маньчжурии» [80].
- ⁵ Фотография верхнего из сосудов вынесена на обложку журнала «Вэнью» [93].
- ⁶ Лодки были выдолблены из одного ствола дерева. Одна из них экспонируется ныне в Нанкинском музее.
- ⁷ О бронзах Яньчэна упоминается в монографиях Чжэн Дэкуня и Чжан Гуанчжи [24. Р. 421, 422; 95. Р. 50].
- ⁸ Описание группы сосудов и анализ даются по [94].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашина Т.И.* Керамика культуры Яншао. История культуры востока Азии. Новосибирск : Наука СО, 1977. 168 с.
2. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М. : Наука, 1976. 327 с.
3. *Reinecke P.* Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythischen sibirischen Volkerkreises // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXIX. В., 1897. S. 141–163.
4. *Грязнов М.П., Маннай-оол И.Х.* Окончание раскопок кургана Аржан // *Археологические открытия*, 1974. М., 1975. С. 196–198.
5. *Грязнов М.П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 62 с.
6. *Киселев С.В.* Неолит и бронзовый век Китая // *СА*. 1960. № 4. С. 224–266.
7. *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 247 с.
8. *Членова Н.Л.* Карасукские кинжалы. М. : Наука, 1976. 104 с.
9. *Васильев Л.С.* Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь / VII МКАЭН. М. : Наука, 1964. С. 2–4.
10. *Li Chi.* The beginnings of Chinese civilization. Seattle : University of Washington Press, 1957.
11. *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // *BMFEA*. 1945. № 17. P. 101–144.
12. *Кожин П.М.* Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследования этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М. : Наука, 1981. С. 131–161.
13. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 382 с.
14. *Кожин П.М.* Об иньских колесницах // *Ранняя этническая история народов Восточной Азии*. М. : Наука, 1977. С. 278–287.
15. *Вайнштейн С.И., Денисова Н.П.* Новые материалы по этнографии и археологии Тувы // *Полевые исследования Института этнографии*. 1974. М. : Наука, 1975. С. 196–205.
16. *Yuan Jing, Flad R.* Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China // *BMFEA*. 2003. Vol. 75. P. 110–126.
17. *Кожин П.М.* Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.: (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. Депонировано ИНИОН АН СССР. № 13481 от 30.06.1983.
18. *Избицер Е.В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : Ин-т истории культуры, 1993.
19. *Черемисин Л.В., Борисова О.В.* Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. С. 129–134.
20. *Barbieri-Low A.* Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC) // *SPP*. 2000. № 99.
21. *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М. : Форум, 2011. 368 с.
22. *Fairservis W.* The origins of oriental civilization. N.Y.: The New American Library, 1959.
23. *Childe V.G.* The socketed celt in upper Eurasia // *Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London*. L., 1954.
24. *Chang Kwan-chi.* Chinese prehistory in pacific perspective // *Harvard journal of Asiatic studies*. 1959. Vol. 22. P. 107–116.
25. *Jing Yuan, Flad R.* Research on Early Horse Domestication in China // *Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann* / Ed. M. Mashkour. Oxford : Oxbow, 2006. P. 124–131.
26. *Childe V.G.* The Diffusion of Wheeled Vehicles // *Ethnographisch – archaeologische Forschungen*. В., 1954. Bd. 2. S. 1–17.
27. *Piggott T.S.* The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L. : Thames & Hudson, 1983. 272 p.
28. *Кожин П.М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Монголии*. Новосибирск : Наука СО, 1987. С. 109–126.
29. *Raulwing P.* Horses, Chariot and Indo-Europeans // *Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest : Archaeolingua, 2000.
30. *Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. 156 с.
31. *Худяков Ю.С.* Археология Южной Сибири. Новосибирск : НГУ, 1985. 31 с.
32. *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1956.
33. *Кучера С.Р.* Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао) // *X науч. конф. «Общество и государство в Китае»* : тез. и докл. М. : Наука, 1979. Ч. 1. С. 207–218.
34. *Jettmar K.* Cultural and Ethnic Groups West of China // *Asian Perspectives (Honolulu)*. 1985 (1981). Vol. 24. № 2.
35. *Кожин П.М.* К вопросу о происхождении иньских колесниц // *Культура народов зарубежной Азии и Океании*. Сб. МАЭ. Л., 1969. Т. 25. С. 30–32.
36. *Хлобыстина М.Д.* К изучению минусинских культовых древностей // *СА*. 1970. № 3. С. 186–193.
37. *Варенов А.В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // *Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы*. Новосибирск : Наука, 1984. С. 42–51.
38. *Кучера С.* Китайская археология, 1965–1974: палеолит – эпоха Инь: находки и проблемы. М. : Наука, 1977. 268 с.
39. *Кожин П.М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // *IX науч. конф. «Общество и государство в Китае»*. Ч. 1. М. : Наука, 1978. С. 40–49.
40. *Кожин П.М.* Кносские колесницы // *Археология Старого и Нового Света*. М., 1966. С. 76–81.
41. *Кожин П.М.* Гобийская квадрига // *СА*. 1968. № 3. С. 35–42.
42. *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. М. : Наука, 1985. С. 169–183.
43. *Кожин П.М.* Первые повозки // *ВИ*. 1986. № 7. С. 185–189.
44. *Кожин П.М.* Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи неолита – раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990.

45. Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich : Verlag Herold, 1955.
46. Littauer M.A., Crowell J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979.
47. Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы : АйФ Казахстан, 1994. 267 с.
48. Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н.э.). СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 528 с.
49. India Perspectives. Oct. 6. P. 12: URL: <http://indiadiplomacy.in/India Perspectives.aspx>.
50. Godrich L.C. China earliest contacts with other parts of Asia. Canberra : The Australian National University, 1962.
51. Shaughnessy E.L. Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991.
52. Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М. : ИВ РАН, 1997. 198 с.
53. Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
54. Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. С. 84–97.
55. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007.
56. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. № 9. 364 с.
57. Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток : Дальнаука, 2007. 428 с.
58. Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Т. 1. 1959. С. 75–95.
59. Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 63–73.
60. Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л. : Наука. 1972. 306 с.
61. Итс Р.Ф. Золотые мечи и колодки невольников. М. : Наука, 1976. 201 с.
62. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. : Наука, 1978. 342 с.
63. Legge J. The Chinese Classics. 2nd edition. 5 vols. Oxford: Clarendon, 1893–1895; rpt.: Taipei : SMC, 1991.
64. Maspero H. La Chine antique. P. : de Boccard, 1927.
65. Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 B.C. Praha : Academia, 1971.
66. Го Мо-жо. Бронзовый век / пер. с кит. Г.А. Богданова, Ф.С. Быкова, Д-У. Исина, Лин-Кюн-И, Н.Ц. Мункуева; под ред. проф. Ян Хин-Шуна. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 457 с.
67. Andersson J.G. Selected Ordos Bronzes // BMFEA. 1933. № 5. P. 142–154.
68. Итс Р.Ф. Царство Дянь и его место в социальной и культурной истории // Историко-филологические исследования : сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. М. : Наука, 1974. С. 344–357.
69. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск : Наука, 1988. 120 с.
70. Варенов А.В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии. Новосибирск, 1983. (Препринт).
71. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
72. Бродянский Д.Л. Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : КемГУ, 1979. С. 80–83.
73. Комиссаров С.А. Северо-китайские бронзовые кинжалы чжоуского времени и проблема «смешанных» культур // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае» : тез. и докл. М. : Наука, 1982. Ч. 2. С. 36–37.
74. Кириллов И.И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : Изд-во КемГУ, 1979. С. 136–139.
75. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности : автореф. дис. ... д-р. ист. наук. Новосибирск, 1981.
76. Кириллов И.И., Кириллов О.И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : СО, 1985. С. 22–33.
77. Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. 1932. № 4. P. 221–317.
78. Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. Истории и философии. 1947. Т. 4. С. 355–372.
79. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья : в 2-х ч. Ч. 2. Л. : Наука, 1970. 263 с.
80. Нимаев Д.Д. Этнический состав древнего населения Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I-я половина I тыс. н.э.) // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 56–70.
81. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М. : Наука, 1975. 135 с.
82. Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig : E.A. Seemann Verlag, 1980.
83. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. : Наука. 1981. С. 107–195.
84. Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. 1960. № 3. С. 282–288.
85. Материалы по истории кочевых народов в Китае группы данху / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1984. 486 с.
86. Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. / Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985. С. 70–78.
87. Миняев С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.
88. Ван Жэньсян. Обзор коллекции поясных крюков // КГСБ. 1985. Вып. 3.
89. Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.
90. Деоник Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и Средневековье. М. : Наука, 1979. С. 62–67.
91. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М. : Наука, 1976. 298 с.
92. Материалы портала «Научная Россия»: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>
93. Вэньу. 1959. № 4. (на кит. яз.).
94. Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуныццо в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск : Наука, 1975. С. 52–66.
95. Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 3: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963.
96. Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe // American Journal of Archaeology. 1959. Vol. 63. № 1. P. 53–58.
97. Vona I. Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin // Acta Archaeologica Hungaricae. 1960. Vol. 12. P. 83–111.
98. Bichir Ch. Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie // Dacia. Nouvelle serie. 1964. Vol. VIII. P. 70–74.
99. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М. : Наука, 1974. 355 с.
100. Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев : Наукова думка, 1976.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 декабря 2013 г.

THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIA IN THE BRONZE AGE (ACCORDING TO MATERIAL CULTURE)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 67-79. DOI: 10.17223/15617793/380/11

Barinova Elena B. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Keywords: China; Central Asia; material culture; the Bronze Age.

The Bronze Age in China is important for studying the contacts between China and neighboring nations. This period allows clearly considering the formation of autochthonous cultures of these regions or identifying the features of contacts. If we assume that the culture of this period is autochthonous in China, we should expect that archaeologists can find traces of a gradual evolutionary development from the Neolithic to the Bronze Age. However, these traces have not been found yet. During the study, the role of Central Asia and Siberia in the process of the genesis of the Shang culture becomes apparent. By the beginning of the 2nd millennium BC the cultures of the Bronze Age already dominated in much of Eurasia from Europe to Minusinskaya hollow. China was dominated by the Neolithic culture then. The Bronze culture Shang appears in China in the middle of the 2nd millennium BC. It is possible that bronze was invented outside and then adopted in China. Another example of the penetration of new elements into the material culture of China is the appearance of chariots, horses as draft animals, their equipment, weapons of chariot fighters in the Yin time. Chariots were used for the first time in the 14th – 12th centuries BC in China. They appeared suddenly and they did not have any preceding local forms of wheeled transport. At the same time bridle sets as well as the way to control and harness horses are similar in the Middle East and in the Mediterranean centers of ancient civilizations. Therefore, we can assume that China learned about chariot from its neighbors. The complex of weapons is also a possible reliable means to determine the direction and number of contacts. Along with the chariot in China in the era of Shang there appeared many advanced types of bronze weapons – knives, axes, etc. The study of Yin bronze weapons showed that it dates back to the types of bronze products in Central Asia, Siberia, and other regions of Eurasia. In addition, the study of bronze knives of Karasuk type that had previously been considered as a result of Chinese influence in Siberia showed that the effect was contrariwise. So the modern science data give reason to believe that in the process of genesis of the bronze culture and civilization the contacts and relations with other nations played a significant role in forming of culture in the Yin period. Archaeological evidence suggests that these contacts were quite complicated. Finds from the monuments studied in Gansu Province indicate that this area was a transfer zone of infiltration of cultural achievements from the Central region into the Southern area. An example is the “animal style” in art. The contacts through Gansu continued in the Late Bronze Age – Early Iron Age.

REFERENCES

1. Kashina T.I. Keramika kul'tury Yanshao. Istoriya kul'tury vostoka Azii. Novosibirsk : Nauka SO, 1977. 168 p.
2. Vasil'ev L.S. Problemy genezisa kitayskoy tsivilizatsii. M. : Nauka, 1976. 327 p.
3. Reinecke P. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythish sibirischen Volkerkreises. *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXIX. B., 1897. P. 141-163.
4. Gryaznov M.P., Mannay-ool I.X. Okonchanie raskopok kurgana Arzhan. *Arkheologicheskie otkrytiya*, 1974. M., 1975. P. 196-198.
5. Gryaznov M.P. Arzhan – tsarskiy kurgan ranneskijskogo vremeni. L. : Nauka, 1980. 62 p.
6. Kiselev S.V. Neolit i bronzovyy vek Kitaya. *SA*. 1960. No. 4. P. 224-266.
7. Chlenova N.L. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi. M. : Nauka, 1972. 247 p.
8. Chlenova N.L. Karasukskie kinzhaly. M. : Nauka, 1976. 104 p.
9. Vasil'ev L.S. Genezis drevnekitayskoy bronzy i etnokul'turnye svyazi In'. *VII MKAEN*. M. : Nauka, 1964. P. 2-4.
10. Li Chi. The beginnings of Chinese civilization. Seattle : University of Washington Press, 1957.
11. Karlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. *BMFEA*. 1945. No. 17. P. 101-144.
12. Kozhin P.M. Znachenie ornamentatsii keramiki i bronzovykh izdeliy Severnogo Kitaya v epokhi neolita i bronzy dlya issledovaniya etnogeneza. *Etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii v drevnosti i srednie veka*. M. : Nauka, 1981. P. 131-161.
13. Chayld G. Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok. M. : Izd-vo inostr. lit-ry, 1956. 382 p.
14. Kozhin P.M. Ob in'skikh kolesnitsakh // Rannyya etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoy Azii. M. : Nauka, 1977. P. 278-287.
15. Vaynshteyn S.I., Denisova N.P. Novye materialy po etnografii i arkheologii Tuvy. Polevye issledovaniya Instituta etnografii. 1974. M. : Nauka, 1975. P. 196-205.
16. Yuan Jing, Flad R. Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China. *BMFEA*. 2003. Vol. 75. P. 110-126.
17. Kozhin P.M. Problemy istoriko-kul'turnykh i etnicheskikh kontaktov naseleniya Evrazii s IV tys. do n.e. po pervye veka n.e.: (proiskhozhdenie i drevnyaya istoriya kolesnogo transporta). M., 1982. Deponirovano INION AN SSSR. № 13481 ot 30.06.1983.
18. Izbitser E.V. Pogrebeniya s povozkami stepnoy polosy Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza III–II tys. do n.e. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb. : In-t istorii material. kul'tury, 1993.
19. Cheremisina L.V., Borisova O.V. Kolesnyy transport v naskal'nykh izobrazheniyakh Sin'tsyzana i Vnutrenney Mongolii. *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy*. Vyp. 2: Gorizonty Evrazii. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1999. P. 129-134.
20. Barbieri-Low A. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC). *SPP*. 2000. No. 99.
21. Kozhin P.M. Kitay i Tsentral'naya Aziya epokhi Chingiskhana: problemy paleokul'turologii. M. : Forum, 2011. 368 p.
22. Fairservis W. The origins of oriental civilization. N.Y.: The New American Library, 1959.
23. Childe V.G. The socketed celt in upper Eurasia. *Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London*. L., 1954.
24. Chang Kwan-chi. Chinese prehistory in pacific perspective. *Harvard journal of Asiatic studies*. 1959. Vol. 22. P. 107-116.
25. Jing Yuan, Flad R. Research on Early Horse Domestication in China // *Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann*. Ed. M. Mashkour. Oxford : Oxbow, 2006. P. 124-131.
26. Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles. *Ethnographisch – archaeologische Forschungen*. V., 1954. Bd. 2. P. 1-17.
27. Piggott T.S. The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L. : Thames & Hudson, 1983. 272 p.
28. Kozhin P.M. Kolesnichnye syuzhety v naskal'nom iskusstve Tsentral'noy Azii. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii*. Novosibirsk : Nauka SO, 1987. P. 109-126.
29. Raulwing P. Horses, Chariot and Indo-Europeans/ Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics. Budapest : Archaeolingua, 2000.

30. Khudyakov Yu.S., Komissarov S.A. Kochevaya tsivilizatsiya Vostochnogo Turkestana. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2002. 156 p.
31. Khudyakov Yu.S. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. Novosibirsk : NGU, 1985. 31 p.
32. Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1956.
33. Kuchera S.R. Nekotorye voprosy kul'tury Kitaya v epokhu In' (po materialam, naydennym v mogile Fu Khao). *Kh. nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»* : tez. i dokl. M. : Nauka, 1979. Ch. 1. P. 207-218.
34. Jettmar K. Cultural and Ethnic Groups West of China. *Asian Perspectives (Honolulu)*. 1985 (1981). Vol. 24. No. 2.
35. Kozhin P.M. K voprosu o proiskhozhdenii in'skikh kolesnits. *Kul'tura narodov zarubezhnoy Azii i Okeanii*. Sb. MAE. L., 1969. V. 25. P. 30-32.
36. Khlobystina M.D. K izucheniyu minusinskikh kul'tovykh drevnostey. *SA*. 1970. No. 3. P. 186-193.
37. Varenov A.V. O funktsional'nom prednaznachenii «modeley yarma» epokhi In' i Chzhou. *Novoe v arkheologii Kitaya. Issledovaniya i problemy*. Novosibirsk : Nauka, 1984. P. 42-51.
38. Kuchera S. Kitayskaya arkheologiya, 1965–1974: paleolit – epokha In': nakhodka i problemy. M. : Nauka, 1977. 268 p.
39. Kozhin P.M. Ob in'skikh i chzhouskikh bronzovykh ritual'nykh kotlakh // IX nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. 1. M. : Nauka, 1978. P. 40-49.
40. Kozhin P.M. Knosskie kolesnitsy. *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta*. M., 1966. P. 76-81.
41. Kozhin P.M. Gobiyskaya kvadruga. *SA*. 1968. No. 3. P. 35-42.
42. Kozhin P.M. K probleme proiskhozhdeniya kolesnogo transporta. *Drevnyaya Anatoliya*. M. : Nauka, 1985. P. 169-183.
43. Kozhin P.M. Pervye povozki. *VZ*. 1986. No. 7. P. 185-189.
44. Kozhin P.M. Etnokul'turnye kontakty na territorii Evrazii v epokhi neolita – rannego zheleznogo veka (paleokul'turologiya i kolesnyy transport) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 1990.
45. Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich : Verlag Herold, 1955.
46. Littauer M.A., Crouwel J.N. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979.
47. Novozhenov V.A. Naskal'nye izobrazheniya povozok Sredney i Tsentral'noy Azii (k probleme migratsii naseleniya stepnoy Evrazii v epokhu eneolita i bronzy). *Almaty : AIF Kazakhstan*, 1994. 267 p.
48. Nefedkin A.K. Boevye kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI – I vv. do n.e.). SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 528 p.
49. *India Perspectives*. Oct. 6. P. 12: URL: [http://indiadiplomacy.in/India Perspectives.aspx](http://indiadiplomacy.in/India%20Perspectives.aspx).
50. Godrich L.C. China's earliest contacts with other parts of Asia. Canberra : The Australian National University, 1962.
51. Shaughnessy E.L. Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991.
52. Kryukov V.M. Ritual'naya kommunikatsiya v drevnem Kitae. M. : IV RAN, 1997. 198 p.
53. Kryukov V.M. Tekst i ritual. Opyt interpretatsii drevnekitayskoy epigrafiki epokhi In'-Chzhou. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. 464 p.
54. Khlopov I.N. Epokha bronzy Yugo-Zapadnogo Turkmenistana. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. P. 84-97.
55. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007.
56. Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. *MIA*. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. No. 9. 364 p.
57. Kozhin P.M. Etnokul'turnye kontakty naseleniya Evrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokul'turologiya i kolesnyy transport). *Vladivostok : Dal'nauka*, 2007. 428 p.
58. Larichev V.E. Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya // Dal'nevostochnyy filial Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. V. 1. 1959. P. 75-95.
59. Larichev V.E. O proiskhozhdenii kul'tury plitochnykh mogil Zabaykal'ya // *Arkheologicheskii sbornik*. V. 1. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1959. P. 63-73.
60. Its R.F. Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoy Azii. L. : Nauka. 1972. 306 p.
61. Its R.F. Zolotyie mechi i kolodki nevol'nikov. M. : Nauka, 1976. 201 p.
62. Kryukov M.V., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. Drevnie kitaytsy: problemy etnogeneza. M. : Nauka, 1978. 342 p.
63. Legge J. The Chinese Classics. 2nd edition. 5 vols. Oxford: Clarendon, 1893–1895; rpt.: Taipei : SMC, 1991.
64. Maspero H. La Chine antique. P. : de Boccard, 1927.
65. Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 V.C. Praha : Academia, 1971.
66. Go Mo-zho. Bronzovyy vek. Per. s kit. G.A. Bogdanova, F.S. Bykova, D-U. Isina, Lin-Kyun-I, N.Ts. Munkueva; pod red. prof. Yan Khin-Shuna. M. : Izd-vo inostr. lit., 1959. 457 p.
67. Andersson J.G. Selected Ords Bronzes. *BMFEA*. 1933. No. 5. P. 142-154.
68. Its R.F. Tsarstvo Dyan' i ego mesto v sotsial'noy i kul'turnoy istorii. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya* : sb. st. pamyati akad. N.I. Konrada. M. : Nauka, 1974. P. 344-357.
69. Komissarov S.A. Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya. Epokha bronzy. Novosibirsk : Nauka, 1988. 120 p.
70. Varenov A.V. K interpretatsii naskal'nykh izobrazheniy kolesnits Tsentral'noy Azii. Novosibirsk, 1983. (Preprint).
71. Volkov V.V. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Severnoy Mongolii. Ulan-Bator : Izd-vo AN MNR, 1967. 148 p.
72. Brodyanskiy D.L. Dal'niy Vostok i skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii "Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva"*. Kemerovo : KemGU, 1979. P. 80-83.
73. Komissarov S.A. Severokitayskie bronzovye kinzhaly chzhouskogo vremeni i problema «smeshannykh» kul'tur. *XIII nauch. konf. "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae"* : tez. i dokl. M. : Nauka, 1982. Ch. 2. P. 36-37.
74. Kirillov I.I. Obraz ptitsy v iskusstve plemen dvortsovoy kul'tury bronzovogo veka Vostochnogo Zabaykal'ya. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii "Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva"*. Kemerovo : Izd-vo KemGU, 1979. P. 136-139.
75. Kirillov I.I. Vostochnoe Zabaykal'e v drevnosti : avtoref. dis. ... d-r. ist. nauk. Novosibirsk, 1981.
76. Kirillov I.I., Kirillov O.I. Novye dannye o kul'turno-istoricheskikh kontaktakh vostochno-zabaykal'skikh plemen v epokhu bronzy. *Drevnee Zabaykal'e i ego kul'turnye svyazi*. Novosibirsk : SO, 1985. P. 22-33.
77. Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style. *BMFEA*. 1932. No. 4. P. 221-317.
78. Kiselev S.V. Mongoliya v drevnosti. *Izv. AN SSSR. Ser. Istoriya i filosofiya*. 1947. V. 4. P. 355-372.
79. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaykal'ya : v 2-kh ch. Ch. 2. L. : Nauka, 1970. 263 p.
80. Nimaev D.D. Etnicheskii sostav drevnego naseleniya Tsentral'noy Azii (konets I tys. do n. e. – 1-ya polovina I tys. n. e.). *Issledovaniya po istoricheskoy etnografii mongol'skikh narodov*. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1986. P. 56-70.
81. Grishin Yu.S. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Vostochnogo Zabaykal'ya. M. : Nauka, 1975. 135 p.
82. Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig : E.A. Seemann Verlag, 1980.
83. Grishin Yu.S. Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaykal'ya. M. : Nauka. 1981. P. 107-195.
84. Okladnikov A.P., Shavkunov E.V. Pogrebenie s bronzovymi kinzhalami na r. Maykhe (Primor'e). *SA*. 1960. No. 3. P. 282-288.
85. Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae gruppy dankhu. Per., predisl. i kom. V.S. Taskina. M. : Nauka, 1984. 486 p.
86. Minyaev S.S. K probleme proiskhozhdeniya syunnu. *Inform. byul. Mezhdunar. assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii*. Vyp. 9. M., 1985. P. 70-78.

87. Minyaev S.S. Ischeznuvshie narody. Syunnu. *Priroda*. 1986. No. 4. P. 42-53.
88. Van Zhen'syan. Obzor kollektzii poyasnykh kryukov. *KGSB*. 1985. Vyp. 3.
89. Novichenkova N.G. Rimskoe voennoe snaryazhenie iz svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo. *VDI*. 1998. No. 2. P. 51-67.
90. Deopik D.V. Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyy variant "zverinogo stilya". Kul'tura i iskusstvo narodov Sredney Azii v drevnosti i Srednevekov'e. M. : Nauka, 1979. P. 62-67.
91. Chesnov Ya.V. Istoricheskaya etnografiya stran Indokitaya. M. : Nauka, 1976. 298 p.
92. Materialy portala «Nauchnaya Rossiya»: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>
93. Ven'u. 1959. No. 4. (na kit. yaz.).
94. Evsyukov V.V., Komissarov S.A. Bronzovaya model' kolesnitsy epokhi Chun'tsyu v svete sravnitel'nogo analiza kolesnichnykh mifov. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v Srednie veka*. Red. V.E. Larichev. Novosibirsk : Nauka, 1975. P. 52-66.
95. Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 3: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963.
96. Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe. *American Journal of Archaeology*. 1959. Vol. 63. No. 1. P. 53-58.
97. Bona I. Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin. *Acta Archaeologica Hungaricae*. 1960. Vol. 12. P. 83-111.
98. Bichir Ch. Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie. *Dacia. Nouvelle serie*. 1964. Vol. VIII. P. 70-74.
99. Mongayt A.L. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Bronzovyy i zheleznyy vek. M. : Nauka, 1974. 355 p.
100. Cherednichenko N.N. Kolesnitsy Evrazii epokhi pozdney bronzy. Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy. Kiev : Naukova dumka, 1976.